

И Индивидуальное и общее в интерпретации интерсубъективности¹

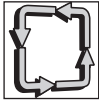
Л.А. МАРКОВА

Тема интерсубъективности стала актуальной и активно обсуждаемой в XX в. не случайно. Всплеск интереса к ней совпал со все нараставшими радикальными изменениями в стиле мышления, выразившимися прежде всего в переходе от *моносубъектности* к такой рациональности, где логическую роль играют уже *много* субъектов, вступающих друг с другом в междисциплинарное (интерсубъективное) общение. В познавательном мышлении Нового времени субъект один. Поскольку для логики научного мышления не имели значения индивидуальные особенности, то и различия между субъектами не принимались во внимание. Порождаемые этими различиями споры и дискуссии выносились за пределы логики.

В силу развития естествознания (научная революция XX в.) и в результате возникновения новых проблем в самой философии вторжение в логику мышления субъектных характеристик становится неизбежным. Это проблематизирует субъект-предметное отношение как основание логики. Отношение предполагает полную независимость предмета от субъекта, которая теперь нарушается: на передний план выдвигается отношение субъект-субъект вместо субъект-предмет. Интерсубъективные отношения становятся специальным предметом исследования.

Основная проблема, которую можно назвать *парадоксом* интерсубъективности, состоит в том, что, с одной стороны, субъекты должны быть *разные*, обладать *индивидуальными чертами* – в противном случае мы опять приходим к логике с *одним* субъектом, где ни о какой интерсубъективности и речи быть не может. С другой стороны, меж-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-00085а.

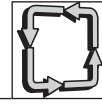
ду субъектами должно быть что-то *общее* (язык, законы формальной логики, культура), иначе они не смогут понять друг друга. Возникает конфликт между *индивидуальным* и *общим*, между *общением* и *обобщением*. Исследователь интерсубъективности стоит перед выбором: если он сфокусирует свое внимание по преимуществу на *индивидуальном*, то погрузится в эмпирию. Если же он отдаст предпочтение *общему*, то вернется к классической логике Нового времени.

Между этими двумя полюсами бьется мысль многих философов и социологов прошлого века. Естественно поставить вопрос о необходимости создать новую логику, и такие попытки предпринимаются. Однако, как правило, они сводятся к интерпретации субъекта и межличностных отношений с позиций все той же классической логики. Это выражается в том, что в основании философских рассуждений сохраняется в качестве наиболее важного отношение субъект–предмет. Субъект понимается в качестве наиболее значимого, но эта значимость проистекает все из того же характера отношений именно с предметом мысли. В постнеклассической науке интерпретация научного познания представителями этно- и микросоциологии сводится к утверждению, что предмета нет в лаборатории, для научной деятельности он не нужен вообще. Приобретая субъектные черты, предмет субъективируется и поглощается субъектом.

Эту же мысль можно выразить другими словами: приобретая общие черты, субъект и предмет перестают отличаться, а отсюда неизбежен вывод, что и само субъект–предметное отношение не может реализоваться ввиду отсутствия составляющих его элементов. И действительно, в рамках социологических исследований науки ученый не видит в качестве основной цели своей деятельности получение нового знания – его занимают проблемы социального, психологического, карьерного характера. Но без предмета и субъект утрачивает свои субъектные характеристики, и в науке профессиональное общение перестает определять ее суть.

Возьмем два полюса в философской разработке понятия интерсубъективности – Э. Гуссерля и П. Рикёра.

Если в многосубъектной логике постоянно маячит угроза релятивизма (много субъектов, один предмет, не следует ли из этого, что истин тоже много?), то в философии, где все ее содержание выводится из переживаний одного субъекта, неизбежной становится угроза солипсизма (ничего, кроме меня самого, не существует). Одной из целей Гуссерля при разработке им понятия интерсубъективности является как раз стремление избежать солипсизма. Понятия интенциональности и нозмы, в которых предполагается определенная соотнесенность переживания с предметной реальностью, намечают путь к наличию для моего Я другого Я, для которого переживания той же реальности будут отличаться от моих, иначе оно уже не будет Другим. И это значит, что другое Я не будет совпадать с моим Я. Гуссерль, од-

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ

нако, склонен уделять основное внимание поиску *общего начала* для Я и Другого, определению условий, при которых становится возможным конструирование других и объективного intersубъективного мира. У Гуссерля интенциональность, феноменологическая редукция, ноэзис, ноэма по кругу возвращают его к переживаниям и восприятиям человека, никак не связанным, согласно его же философии, с внешним миром. Другой – это *не Я*, он находится «там», но принадлежит *моей* сфере и образует пару с *моим* живым телом и психологически правящим в нем Я. Другой допускается, он воспринимает мир иначе. Но все-таки мир-то *мой*.

Если у Гуссерля все ходы его мысли приводят в конце концов опять к одному Я, которому не с кем общаться, то у Рикёра общение тоже оказывается под вопросом, но по другой причине: участников разговора много, но все они настолько разные, что не смогут понять друг друга и вступить в общение.

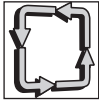
Рикёр формирует сплав двух начал философии – «Я-сам» и «Я-вещь». Он обращается к понятию дискурса, которое расшифровывает как «теорию речевых актов», переходя от семантики к прагматике. Под прагматикой Рикёр имеет в виду употребление языка в определенных *контекстах* беседы. Большим преимуществом такого типа исследований Рикёр считает постановку акцента не на высказанное, а на сам акт говорения. Прагматика выводит на сцену – как необходимую составляющую акта высказывания – Я и Ты в ситуации беседы.

Наиболее плодотворным путем исследования Я Рикёр считает взаимоналожение двух подходов к его пониманию. Они лишь в первом приближении кажутся несовместимыми. В повседневных беседах в высказанном, зафиксированном в языке неизбежно содержится рефлексия о факте самого высказывания.

Рикёр создает интегрированную теорию, объединяющую два основных подхода к интерпретации личности, но это все же теория «Я-сам», а не теория «Я-вещь». Это значит, что интеграция происходит за счет «поглощения» второго подхода первым.

Деятельность субъекта-личности в рамках дискурса как акта говорения происходит каждый раз в другом контексте, определяющем индивидуальные, не воспроизводимые в иных условиях особенности личности и ее деятельности. На первый план выдвигается не то *общее*, которое существует между беседующими, а *различие* между ними. Разговаривающие должны быть разными – если они будут *абсолютно похожи*, то это уже один субъект, которому разговаривать не с кем. Но неизбежно возникает вопрос: в *идеальном случае*, когда беседующие будут *абсолютно непохожи*, как они поймут друг друга? Разговор опять невозможен. Различие не может быть абсолютным, так как в таком случае никакие контакты невозможны в принципе.

Логический предел каждого из этих направлений в анализе intersубъективности (опора или на *общее*, или на *индивидуальное*) при-

водит к тупиковой ситуации, когда интерсубъективность становится невозможной. В то же время именно такое исчерпание возможностей делает очевидными преимущества и недостатки каждого из этих подходов. Парадокс общего и индивидуального не разрешим, но ведь парадокс и существует для того, чтобы *завершить* какой-то этап мышления. Парадокс призван стимулировать поиск принципиально новых путей обдумывания философских проблем. И действительно, в самых разных философских системах настойчиво пробивается мысль, что отношение субъект–предмет в разных его вариантах (будь то доминирование предмета или субъекта) перестает быть значимым. Оно не отвергается, но отходит на задний план. Интерес представляет другое отношение, а именно, той области, где нет ни субъекта, ни предмета, ни отношений между ними, а соответственно нет ни истины, ни лжи, ни индивидуального, ни общего, и той области, где все эти понятия актуализируются в действительность. Нас интересует вопрос, как из контекста, который формируется из элементов, в большинстве своем не имеющих ничего общего с наукой, рождается научное знание со всеми его характеристиками (субъект–предмет, истина–ложь, общее–частное и т.д.). Контекст – это хаос, но именно этот хаос порождает научные теории. Как это происходит? Новые вопросы требуют новых ответов.

В интерпретации интерсубъективности Н.М. Смирнова тяготеет к поиску общего базиса, обеспечивающего возможность взаимопонимания. Об этом свидетельствует и ее очевидная симпатия к понятию неявного знания. Общие основания, безусловно, необходимы, но гораздо больший вклад в разработку понятия *общения* в последние десятилетия внесли такие понятия, как культура, контекст, дискурс, уникальность, особенность. К поиску *различия* вместо *общности* направлены и усилия современных представителей феноменологии и аналитической философии. Под междисциплинарностью не следует иметь в виду, что один и тот же предмет или область знания изучаются разными дисциплинами. О ней можно говорить лишь тогда, когда социология, например, берется за решение философских проблем своими средствами, или наоборот. При этом социология остается социологией, а философия философией. В результате таких симбиозов рождаются новые науки, например синергетика, биоэтика, биохимия или социальная эпистемология. Междисциплинарность выдвигает на первый план субъектный полюс познавательного процесса, а тем самым втягивает в сферу своего рассмотрения целый комплекс новых проблем, в том числе и проблему интерсубъективности.

Вне всякого сомнения, Н.М. Смирнова сумела поставить актуальные проблемы, и ее статья является хорошим «трамплином» для дискуссии.